

7. Савченко Т.Д., Шульженко В.И. Развитие коммуникативной компетенции у студентов на основе новых образовательных технологий: из опыта работы. // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2013. № 1 (12). С. 146-150.
8. Стайрон У. И поджёг этот дом // Новый мир, 1982, №1. С. 101-159; №2 С. 158-206; №3. С. 150-178; №4. С. 148-212; №5. С. 191-211; №6 С.112-166.
9. Татаринов А.В. Власть апокрифа. Библейский сюжет и кризисное богословие художественного текста: монография, Мир Кубани, Краснодар, 2009, 712 с.
10. Хасан И. После 1945 года // Литературная история США. В 3-х т. М.: Прогресс, 1979. Т.3. С.549-585.
11. Шульженко В.И. Городское пространство и кризис межкультурной коммуникации // Русский язык и межкультурная коммуникация. № 1(10)/2011. Пятигорск, Издательство ФГБОУ ВПО ПГЛУ. С. 132-139.
12. Davidson D. Problems of Rationality. Oxford: Clarendon Press; New York; Oxford Univ. Press, 2004. 280 p.
13. Davis R.G. The American Individualist Tradition: Bellow and Styron // The Creative Present; Notes on Contemporary Amer. Fiction. Garden City; Doubleday, 1963. P.111-141.
14. Galloway, D. Absurd Hero in American Fiction: Updike, Styron, Bellow, Salinger / D. Galloway // Austin: Univ. of Texas press, 1981. 265p.
15. Lawson L. Cass Kingsolving – Kierkegaardian Man of Despair/ Wisconsin Studies in Contemporary Literature, III (Fall, 1962). P. 54-66.
16. Morris R. & Malin I. Vision and Value // The Achievement of William Styron, 1975. Athens. P. 1-23.
17. Stevenson, D.L. Styron and the Fiction of the Fifties/ Critique, III (1960). P.47-58.
18. Styron W. Those Quiet Dust & and other Writings. N.Y.: Random House, 1982. 450p.

Соронкулов Г.У.
(Бишкек)

А.С. Пушкин и янычар Амин-Оглу: история прообраза и этимология имени

А.С. Пушкин, названный Н.В. Гоголем «единственным явлением русского духа», воплощающим в своем творчестве национальное начало, в то же время оказывается чрезвычайно восприимчивым к иным этносам и культурам. Ф.М. Достоевский в «Речи о Пушкине» отмечает, что в произведениях его предшественника «засияли идеи всемирные, отразились поэтические образы других народов и воплотились их гении». Действительно, русский поэт демонстрирует умение художественно перевоплощаться в человека иной национальности, говорить как бы от его имени, с предельной достоверностью передавать характерные особенности чужого мира. Это дает повод современникам назвать такое свойство пушкинского таланта «протеизмом» по аналогии с античным Протеем – вещим старцем, способным превращаться в любое существо. Достоевский описал данное качество как «всемирную отзывчивость».

Н.И. Черняев отмечает, что никакой турецкий поэт «не написал бы ничего более турецкого и более восточного, чем «Стамбул гяуры нынче славят...» [9: 158-159]. Каждая строка данного стихотворения проникнута турецким религиозно-национальным фанатизмом, турецкой гордостью, воинственностью, чувственностью и апатией. Поэт передает мысли типичного турка, не проникшегося идеями европейской цивилизации.

Чем же объяснить стремление Пушкина отождествить себя поэтически с ревнителем консервативной мусульманской старины и вызвать у читателя невольное любование самобытной гармонией «правды древнего Востока»? Ведь русский поэт отнюдь не фанатичный приверженец исламского (или другого) экстремального фундаментализма. Как известно, Пушкин не является и соратником воинствующих

«славянороссов»-шишковистов, стремящихся предотвратить проникновение в Россию чуждых отечественной культуре европейских ценностей.

Справедливо замечание Н.Я. Эйдельмана о нравственной, политической, национально-культурной объективности Пушкина-реалиста, которая воплощается в рассматриваемом тексте: «Пушкин умеет взглянуть на Кавказ, Турцию и со стороны победителей, и глазами побежденных; сопоставляет разные формы исторической истины, изучает возможность или невозможность их соединения» [11: 202].

Вместе с тем, обращает на себя внимание следующий нюанс пушкинской позиции: глубочайшее неприятие той жестокости, какой сопровождается осуществление реформ, направленных на европеизацию страны как в Турции 20-х годов XIX в., так и в России рубежа XVII–XVIII вв. Воссозданная Пушкиным (принявшим обличье «янычара Амин-Оглу») картина осуществленных в Стамбуле султаном-реформатором казней местами дословно совпадает с нарисованным им же (почти в то же время) образом московской площади, усеянной жертвами участников антипетровского стрелецкого бунта (III, ч. 1, 60; III, ч. 2, 855). Комментаторы второго стихотворения, особенно его черновика, приводя варианты текста «Какая ночь! Мороз трескучий...», ссылаются на ту страницу Большого академического издания, где помещено стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят...». Сравним:

Из картины турецких казней

Окровавленные зубцы
Везде торчали; угли тлели;
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернели.

(«Стамбул гяуры нынче славят...», III, 248)

Из картины стрелецких казней

Торчат железные зубцы,
С костями груды пепла тлеют,
На кольях, скорчась, мертвецы
Оцепенелые чернеют...

(«Какая ночь! Мороз трескучий...», III, 60)

Отношение поэта к основателю Петербурга неоднозначно, что прослеживается не только на примере «Медного всадника», но и в других текстах, написанных автором, начиная с первых его заметок по истории России и до последних историографических трудов. Острая критика – одна из сторон пушкинского художественного и историко-публицистического восприятия личности Петра I, его роли в русской и мировой истории. Пушкин характеризует императора как «строителя чудотворного», прорубившего окно в Европу, но вместе с тем создает образ, далекий от безоговорочной апологетики [3: 4-59].

Одно из доминирующих чувств, переживаемых лирическим героем Пушкина в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят...», – «милость к падшим». Наиболее ярко данная эмоция передана в черновом варианте текста: автор вкладывает мысль о «милости к павшим» в уста того, кого в другом стихотворении («Когда владыка ассирийский...», 1835 г.) называет «всевышним царем» (III, 406). В упомянутом произведении идея предстает как священный завет ислама, как одна из заповедей «правды древнего Востока»:

Что рек Алла: –
Гонимого впусти
И скрой бегущих

*

Меж нами скрылся янычар (III, 855).

Важно помнить, что Пушкин не является сторонником безоговорочного отказа от старозаветных российских традиций, привычно именовавшихся «азиатскими». Они воплощаются в его образе «старушки Москвы», родного города, неизменно вызывавшего у поэта чувства не только патриотические, но и ностальгические. Несомненно, Казань для Москвы остается Азией, но соперничество между ними уходит в прошлое. Для Петербурга Азией выступает уже Москва, и соперничество между ними фактически продолжается, хотя и неявно.

Очевидно, у Пушкина немало оснований для того, чтобы условно-поэтически отождествить себя с вымышленным турецким автором. Элементом такой идентификации становится выбор имени персонажа, которому приписывается стихотворная мистификация. Примечательно, что собственно личного имени у выдуманного Пушкиным поэта нет, так как *Амин-Оглу* – не имя, а своего рода аналог русскому отчеству, означающий «сын Амина». Роль имени в тексте играет слово-заменитель «янычар», что побуждает обратиться к этимологии тех лексем, которыми «номинарованы» как мифический турецкий поэт, так и его фактический русский создатель.

Янычар можно приблизительно перевести как «ратник нового войска» (от турецкого *yeni ceri* – «новое войско»). Слово *ceri* согдийского происхождения, его древнейшая форма сохранилась в кыргызском языке: *чер* – «войско», *черик* – «воин, солдат» [10: 558-559]. Кыргызское буквальное соответствие слову *янычар* могло бы выглядеть как словосочетание *жаңы черик*, то есть «новый воин». Показательно, что в Нарынской области Кыргызстана, вдоль границы с Китайской Народной Республикой, живут кыргызы из рода, носящего имя *черик*. Обратимся к этимологии имени поэта. *Александр* – имя греческое; как и слово *янычар*, оно состоит из двух частей: первая часть означает «защитник», а вторая – «муж, мужчина», т.е. имя допустимо перевести как «защитник мужей» [6: 199] или, вернее, «мужчина-защитник». В переводе прослеживается сема «воин».

Имя *Амин* – одно из старинных мусульманских почетных обращений к высокочтимому мужчине. Так называют пророка Мухаммеда его сподвижники. Одно из значений данного имени – «хранитель» [2: 43]. Распространенное в России имя *Сергей* древнеримского происхождения, в православных святцах оно толкуется как «высокородный, высокий». Когда речь идет об особах духовного сана или о членах царствующей фамилии, имя произносилось на старинный манер с ударением на первом слоге: *С`ергий* (святой С`ергий Радонежский; великий князь С`ергий Николаевич) [8: 625]. Таким образом, несмотря на то, что семантика имен *Амин* и *Сергей* не совпадает полностью, эмоциональная коннотация слов близка: в обоих случаях имена говорят об особой высокочтимости их носителей.

Получаем: *Янычар Амин-Оглу* = *Александр, С`ергиев сын...* Предположение достаточно смелое и невероятное, но критики описывают само произведение как «странное», и «загадочное». Интересно, что, по мнению историков, войско янычар состояло в значительной своей части из молодых людей христианского происхождения: «У турок есть и такой весомый козырь, как янычары. Этот отборный корпус состоит из пленных юношей, детей христиан, захваченных во время набегов и прошедших специальную военную подготовку» [1: 175-176]. Лучшие из них отбирались для конной стражи султана. Пушкину, вероятно, был известен данный факт, так как, находясь в Арзруме в 1829 году, поэт многое узнал о Турции, о ее общественном укладе и армии. По воспоминаниям писателя, во время одного из сражений русско-турецкой войны он, увлеченный общим порывом, пошел в бой вместе с российским военным отрядом. Памятью об этом эпизоде является автопортрет Пушкина в бурке, на коне, с пикойю наперевес (поэта остановило тягостное зрелище – тело павшего в бою турецкого юноши; см: VIII, 470), а также подаренная поэту генералом Паскевичем кривая турецкая (янычарская) сабля (VIII, 482).

В турецком пушкинском псевдониме читается и некая полемика с О.И. Сенковским, востоковедом и издателем журнала «Библиотека для чтения»: один из шуточных псевдонимов Осипа Ивановича – «Тютюнджи-Оглы» (т.е. «Сын табачника») направлен на дискредитацию турецкой культуры в глазах русского читателя. Пушкинский псевдоним, напротив, ориентирован на высокую патетику, в которой выдержано стихотворение, приписываемое «янычару Амин-Оглу».

Данные наблюдения о мотивах выбора Пушкиным турецкого псевдонима являются нашим предположением; некоторое этимологическое соответствие псевдонима имени и отчеству подлинного автора может быть случайным, но знаменательным совпадением. Полезным представляется мнение по этому поводу В.А. Кошелева: «Почему «Амин-Оглу»? Больше он нигде в произведении не поминается, так что внимательный читатель мог заподозрить мистификацию «невооруженным глазом». Образованный читатель мог к тому же догадаться, что условно «восточное» сочетание «Амин-Оглу» – это эквивалент русской фамилии «Аминов». А род русских дворян Аминовых вел свое начало от того же Ратши, что и род Пушкиных...» [4: 167].

В любом случае не вызывает сомнения та особая роль, которую играет в художественной композиции «Путешествия в Арзрум» преобразование облика рассказчика-путешественника Александра Пушкина в образ турецкого поэта-янычара Амин-Оглу, о чём писали в своих исследованиях Савченко Т.Д. [7], Шульженко В.И. [10].

Библиографический список

1. Альдебер Ж., Бендер Й., Груша И. и др. История Европы. Минск: Вышэйшая школа, 1996. 384 с.
2. Гафуров А. Лев и Кипарис: О восточных именах. М.: Наука, 1971. 240 с.
3. Кантор В. Петра творенье, или разгадка России // Вопросы лит-ры, 1999, № 2. С. 4-59.
4. Кошелев В.А. Историческая оппозиция «Запад–Восток» в творческом сознании Пушкина // Пушкин и мир Востока. М.: Наука, 1999.
5. Лазарев М.С. «Да, азиаты мы...» // Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990.
6. Петровский И.А. Словарь русских личных имен. М.: Русский язык, 1984. 366 с.
7. Савченко Т.Д. «Путешествие на Кавказ» в жанровом и историко-культурном освещении // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 4. С. 48-49.
8. Успенский Л. Слово о словах. Ты и твоё имя. Л.: Лениздат, 1962. 633 с.
9. Черняев Н.И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900.
10. Шульженко В.И. Кавказ в русской прозе второй половины XX века (Проблематика, типология персонажей, художественная образность): дис. д. филол. наук. М. 2001.
11. Эйдельман Н.Я. «Быть может, за хребтом Кавказа...» (Рус. литература и общ-ая мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст). М.: Наука, 1990.
12. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965.

Хашиева П.А.

(Магас)

Стихотворный цикл «Тема с вариациями» Б.Л. Пастернака в контексте литературной традиции

В статье рассматриваются пушкинские мотивы в цикле Б.Л. Пастернака «Тема с вариациями» и формирование в 1920-е годы отношения поэта к литературной традиции.

Цикл «Тема с вариациями» нередко привлекал внимание исследователей и критиков и становился предметом рассмотрения в работах [37: 73–74], [38: 91–92], [34: